

ЦИРК
НА ЦВЕТНОМ

ЮРИЙ НИКУЛИН

ЦИРК
НА ЦВЕТНОМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Н 65

Дизайн обложки *Дианы Бобешко*
Внутреннее оформление книги *Алексея Филатова*

Предисловие *Максима Никулина*

Книга иллюстрирована рисунками *Юрия Никулина*

На шмуцтитулах размещены бронзовые скульптуры
работы Елены Сапожковой

В оформлении книги использованы фотографии работы

К. Стукалова и Л. Шерстенникова,

а также предоставленные Московским цирком Никулина на Цветном бульваре,
К. Агароновой, В. Щетининой, В. Феррони, П. Яблочковым, А. Ходаковым,
А. Володько, М. Рубцовым, Ю. Халявиным из их личных архивов

Никулин, Юрий Владимирович и др.

Н 65 Цирк на Цветном / Юрий Никулин и др. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 400 с.; илл. — (Любимые книги)

ISBN 978-5-17-101141-3

Еще никто, наверное, так ярко, увлекательно и весело не написал о цирке, как Юрий Никулин. В этой книге, несомненно, первое слово ему. Читая страницы «Почти серьезно...», мы слышим его незабываемый голос, видим знакомую улыбку, смеемся над его клоунадами и репризами. Он и сегодня среди нас, всегда рядом, в своем цирке на Цветном бульваре.

При слове «цирк» замирает сердце в предвкушении настоящего волшебства и чуда, которые произойдут у вас на глазах. Каждая программа уникальна, она создается лишь на один сезон. Уникальна и эта книга, которая подарит продолжение праздника, станет его органичным дополнением.

Артисты разных жанров и сотрудники всеми любимого цирка поделятся секретами профессии, удивят многогранностью талантов, вспомнят необычные случаи из цирковой жизни и, конечно, расскажут о Юрии Никулине, великом человеке своего времени.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-101141-3

© Ю.В. Никулин (наследники), 2017
© В.В. Шахиджаниян, 2017
© Московский цирк Никулина на Цветном бульваре, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

К нему тянулись люди

Директором цирка на Цветном бульваре отец стал просто — ему предложили, и он согласился. Это не было неожиданно. В свое время ему предлагали еще должность директора Союзгосцирка, но он отказался, потому что это было не его. А тут что-то более камерное, более домашнее — быть директором цирка, в котором ты практически всю жизнь работал... Да и потом, сразу появлялась реальная возможность что-то сделать и для цирка, и для людей.

Мама тогда хорошо сказала, когда пришли, в главк его позвали, предложили кресло: «Если ты согласишься, цирку будет лучше, но нам будет хуже». Это трудная работа, требующая много сил и времени. И от того, артист ты, или директор, или человек со стороны, мало что зависит. Больше всего для цирка сделал, как ни странно, человек, который к нему никакого отношения не имел. Он был полковником в отставке, военным человеком. Это Феодосий Георгиевич Бардиан — первый директор главка. И причина его помощи заключалась не в любви к цирку как таковому, а в ответственности, в понимании того, что есть дело, которое надо сделать, и сделать хорошо. Никто же не отменял ни порядочность, ни честность. И десять заповедей как были, так и есть. Просто мало кто о них помнит, к сожалению, поэтому живут больше по понятиям.

Отец всем всегда помогал. Квартирой, машиной, пропиской, лекарствами, больницей, званием, работой — и так без конца. И до того как стал директором, и после. Что касается самого цирка, то он его построил — думаю, этого достаточно, больше уже ничего можно не говорить. При этом он никогда не вмешивался в процесс творчества, и я перенял от него эту традицию. Он создал особую атмосферу, и наша задача — сохранить ее, не разбазарить.

Люди к нему тянулись. А к чему обычно тянутся? Люди элементарно тянутся к хорошему. А что может быть в нашем мире хорошего? Доброта, милосердие, желание и умение помочь, честность, искренность, справедливость. Всего этого вокруг так мало. А у отца этого было в избытке.

Почему любовь к нему была всенародной? Реально всенародной. Я помню, как он прятался от славы — скрывался, боялся выйти на улицу, потому что его буквально рвали на куски. Это была именно любовь. За что? За то, что он великий артист кино? Но он не был великим. Рядом с ним в то же время были куда более великие — Леонов, Папанов, Миронов, Смоктуновский. Было полно звезд, и он — лишь один из многих в этом ряду. За то, что он был великий

клоун? Но он не был великим клоуном, он был просто хорошим, профессиональным, смешным клоуном. Великие — это Карандаш, Леонид Енгибаров, Олег Попов, Геннадий Маковский, Константин Берман.

А за что тогда?

Он был великим человеком — вот за это его любили.

Любят человека, который просматривается и который виден за маской своих ролей, будь то Юра в манеже цирка, будь то Семен Семеныч или Балбес. Когда просматривается человек, когда в нем есть искренность, за это любят, к этому тянутся. А остальное все — это маски, которые можно снять: сегодня Гамлет, завтра Балбес и прочее. В нем была одна черта, которой можно только завидовать, потому что ей нельзя научиться и ее нельзя перенять. Это искренность.

Он был человеком значительным, занимающим высокое положение. Но он общался со мной, с дворником, с министром, с президентом — со всеми одинаково, на одном и том же уровне. Он не подлаживался под ситуацию. Он всегда оставался самим собой.

Искренность — это дар Божий. Этому нельзя научиться, с этим можно только родиться. Каждому из нас свойственно подбирать какие-то слова, выбирать лексику, стиль поведения в каком-то кабинете, а ему было, по большому счету, все равно, что надеть — джинсы или костюм. Я не пойду на встречу к министру в джинсах. Я надену костюм, галстук — весь протокол. А у отца внутри не было протокола. Именно это всех и обезоруживало, и привлекало.

После ухода отца мы сделали многое из того, чем можно было бы гордиться: создали новые номера, удачные спектакли, завоевали победы на международных цирковых фестивалях. Но во много раз для нас важнее другое: то, что за все эти годы мы не растеряли, а сохранили уникальную атмосферу старого цирка, где царят понимание, уважение, любовь и доброта, атмосферу, безо всякого видимого усилия созданную всего одним человеком — Юрием Владимировичем Никулиным.

И он будет жив, пока жива память о нем.

Максим Никулин

Юрий Никулин

Почти серьезно...

Кем я хочу быть

(сочинение за VII класс)

Зал сверкает в огнях. Слышится людской говор. Вот погас один ряд лампочек, за ним другой, служащие закрывают двери. Зал погружается во мрак. Настала тишина. Вспыхнули разноцветные прожектора, грянул веселую музыку оркестр, и плавно открылся занавес. Зритель переносится в далекие страны. Маленькая девочка тихо спрашивает мать: «Мама, кто играет того старика?» — «Артист Никулин, — отвечает мать. — Сиди смирно». Спектакль продолжается. (Но... это только сон, это воображение.)

Давно я хотел быть артистом. Это профессия, которая мне больше всего нравится. Много профессий я переменял перед этим. Я хотел быть: шофером, пожарным, сыщиком, милиционером. Теперь я не знаю, на что переменить профессию актера. Я пишу в настоящий момент, кем я хочу быть, а за дальнейшее не ручаюсь. Раньше я занимался в драмкружке, потому поступил в театральную студию. Что-то тянет меня к этой профессии. Я не могу сказать, кем я буду в действительности, но твердо скажу, что я не буду директором школы, педагогом и зубным врачом.

С чего начинаются клоуны

Будьте самоучками, не ждите, пока вас научит жизнь.

Станислав Ежи Лец

«Вечерка» помогла

Обычно мы с отцом покупали газету «Вечерняя Москва» в киоске на Елоховской площади. Где-то в середине сентября 1946 года мы купили газету и на четвертой странице прочли объявление о наборе в студию клоунады при Московском ордена Ленина государственном цирке на Цветном бульваре. Возникла идея: а что, если попробовать? На семейном совете долго обсуждали: стоит или не стоит поступать в студию?

Мама склонялась к театру, считая, что рано или поздно, но мне повезет.

— Все-таки театр благороднее, — говорила она.

Отец придерживался другого мнения.

— Пусть Юра рискнет, — настаивал он. — В цирке экспериментировать можно. Работы — непочатый край. Если он найдет себя — выдвинется. А в театре? Там слишком много традиций, все известно, полная зависимость от режиссера. В цирке многое определяет сам артист.

И я решил поступать в студию цирка.

Документы принимали в маленькой комнате (теперь там одна из секций гардероба для зрителей). Невысокий мужчина с копной рыжих волос регистрировал заявления и анкеты, проверяя правильность их заполнения.

Он выполнял роль секретаря приемной комиссии и показался мне тогда представительным. Потом выяснилось, что он тоже из поступающих — Виктор Володин.

Мастерскую клоунов набирал режиссер цирка Александр Александрович Федорович. В 20-е годы он, как и отец, руководил художественной самодеятельностью на одном из предприятий столицы, и они раньше нередко встречались по работе.

Первый тур, на который допускались все, проходил в крошечной комнате красного уголка. Вызывали по одному человеку. Я долго ждал и наконец предстал перед комиссией, сидящей за столом, покрытым красной скатертью. Прочел Пушкина. Хотел читать басню, но тут подзывает меня Федорович (он был в заграничной кожаной куртке на «молниях») и спрашивает:

– Скажите, пожалуйста, вы не сын ли Владимира Андреевича Никулина?

– Сын.

– Что вы говорите? – удивился он. – И что же, решили пойти в цирк?

Мне показалось, что в вопросе прозвучало какое-то сожаление.

– Да, – говорю, – люблю цирк. Хочу стать клоуном.

– Ну что ж, очень рад. Очень рад. Так мы вас прямо на третий тур допустим. Привет папе передавайте.

Привет я передал, а сам нервничал: конкурс-то большой. Во-первых, поступали многие из тех, кто не прошел в театральные институты и студии, во-вторых, допускали к экзаменам с семилетним образованием, что увеличило число желающих стать клоунами, в-третьих, цирк рядом с Центральным рынком, и некоторые его завсегдатаи и приезжие тоже почему-то, то ли из баловства, то ли серьезно, решили испытать счастье.

Одному из них я понравился.

– Если не примут, – говорил он, – ты приходи ко мне. Мы семечками торговать будем. С мячиком.

– Как с мячиком? – удивился я.

– Очень просто, – объяснил он. – Пойдем к поезду и купим мешок семечек за тысячу рублей. Потом найдем старуху и предложим ей по 60 копеек за стакан, если оптом возьмет. Старуха, конечно, согласится, потому что сама будет продавать семечки по рублю. Первые два-три стакана мы ей насыплем полностью, а потом я незаметно теннисный мячик (я его в рукав спрячу) в стакан подложу и буду дальше отмерять... Лапища у меня огромная, мячика никто не увидит. Полное впечатление, что стакан наполняется доверху. Ты в это время начнешь ей что-нибудь заливать.

Наступил день третьего тура. Поцеловав на счастье нашу собачку Мальку, я, страшно нервный и невыспавшийся, в шинели и сапогах, пошел в цирк.

Кандидаты в Карандаши

Экзамен проходил на ярко освещенном манеже. В зале собралось довольно много народу: сотрудники Главного управления цирков, работающие в программе артисты, униформисты, уборщицы, знакомые и друзья поступающих (моих знакомых в зале не было).

Комиссия занимала первый ряд, в центре сидел в своей кожаной куртке А. Федорович. Рядом с ним — художественный руководитель цирка Ю. Юрский. В комиссию также входили известный жонглер В. Жанто, режиссер Б. Шахет, инспектор манежа А. Буше, директор цирка Н. Байкалов и другие...

Ожидая своей очереди, волнуясь, я наблюдал за сдающими экзамен. Вот полный, комичный на вид, обаятельный Виктор Паршин. Как и все, он сначала прочел стихи и басню, а потом ему дали задание: будто бы идет он за кулисы и там встречает только что вышедшего из клетки тигра. Как нужно реагировать? Виктор Паршин, спокойно посвистывая, пошел за кулисы и выбежал оттуда с диким криком, опрокидывая стулья, и через весь манеж пронесся к выходу. По-моему, сделал он это просто здорово.

Запомнился мне Анатолий Барашкин, которого попросили сделать этюд: заправить воображаемый примус керосином и разжечь его. Это он выполнил классически!

Высокий худощавый Георгий Лебедев поразил всю комиссию великолепным чтением стихов Владимира Маяковского.

Экзаменовались Илья Полубаров и Виктор Смирнов. Раньше они занимались в цирковом училище. Оба прекрасно жонглировали, владели акробатикой и нам казались сверхталантливыми и сверхумелыми. Они легко делали флик-фляки, каскады, разговаривали между собой, употребляя цирковую терминологию: «оберман», «унтерман», «шпрех»... Их, конечно, приняли.

Своей артистической внешностью среди всех выделялся Юрий Котов, приехавший из Орла. Он довольно успешно прочитал стихи Сергея Михалкова: «Я приехал на Кавказ, сел на лошадь первый раз...»

Экзаменовался и самый юный из нас — Николай Станиславский. По поводу его фамилии многие иронизировали, говоря: «Вот и Станиславский в цирк пришел».

Смотрел я на всех и думал: «Куда мне с ними тягаться?»

Пришла моя очередь выходить на манеж. Прочел стихи, басню, дали мне этюд: будто потерял я на манеже ключ от квартиры и ищу его. Придумал не самое оригинальное. Сделал вид, что долго ключ ищу, а всюду темно. Зажигал настоящие спички (мне казалось, если зажигать спички на ярко освещенном манеже, то будет смешно), но никто находку не оценил.

И вот наконец кидаюсь на ковер и что-то поднимаю; увы, это оказался не ключ, а плевок. Руку вытер о себя брезгливо. В зале засмеялись.

Потом экзаменовались и другие. Среди них Борис Романов. Своей общительностью, чувством юмора, а также тем, что он пришел на экзамен, как и я, в солдатской шинели (а у меня еще долго после войны ко всем, кто носил солдатскую шинель, оставалось отношение доброе), он привлек мое внимание, и мы познакомились. Для начала он рассказал мне анекдот:

На экзамене профессор спрашивает нерадивого студента:

– Вы знаете, что такое экзамен?

– Экзамен – это беседа двух умных людей, – отвечает студент.

– А если один из них идиот? – интересуется профессор.

Студент спокойно говорит:

– Тогда второй не получит стипендии.

От Бориса я узнал, что он воспитывался в детдоме, его учебу в театральном техническом училище (он собирался стать гримером) прервала война. Конечно, тогда я и не предполагал, что мы станем друзьями, и мало того – партнерами, что Бориса примут у нас дома, полюбят и он будет завсегдаем наших вечеров в Токмаковом переулке.

В три часа дня закончился последний тур, а в шесть часов вечера вышел какой-то человек со списком и буднично, в алфавитном порядке зачитал фамилии всех принятых. Среди них произнес и мою. Всего в студию зачислили восемнадцать человек, а пятерых взяли кандидатами.

Я сразу позвонил домой.

– Папа, меня приняли.

– Ну и хорошо. Приезжай скорее!

Приехал домой и подробно все рассказал. А в восемь вечера в Камерном театре (потом он назывался Театром имени Пушкина) проходил последний тур конкурса, на который меня тоже допустили. И я решил поехать.

И надо же! И здесь после конкурса мне сообщили, что меня приняли в студию.

Бывает же так: то всюду отказ, а тут в один день две удачи.

Вернулся домой поздно, и долго с отцом и матерью обсуждали минувший день.

Куда идти: в студию Камерного театра или в студию цирка?

Отец вновь повторил свои доводы о том, что в цирке легче и быстрее можно проявить себя, найти новые интересные формы клоунады, и я решил идти в цирк.

Стране нужны клоуны

Веселое, голодное студенчество было у нас в цирковой студии. Нам, правда, выдавали рабочую продовольственную карточку, получали мы и талоны на сухой паек, а также стипендию – пятьсот рублей. Ни в одном институте не давали такой большой стипендии.

Главное управление цирков Комитета по делам искусств отпустило значительные средства на студию. Стране нужны были клоуны. К нам пригласили преподавателей различных дисциплин. Любили все у нас технологию цирка.

Каждый раз занятия по этой дисциплине вели разные люди. Приглашались старые мастера, которые беседовали с нами о специфике, технологии цирка, рассказывали о своей жизни, работе. Много времени провел с нами Александр Борисович Буше, неповторимый режиссер-инспектор Московского цирка. (Его и еще ведущего программы Роберта Балановского из Ленинградского цирка зрители всегда встречали аплодисментами.)

Не было посылы

Занимаясь в студии, мы дневали и ночевали в цирке. Спустя два месяца нас начали занимать в парадах, подсадках.

Первой подсадкой для нас всех стала клоунада «Шапки», которую исполняли клоуны Демаш и Мозель (по афише – Жак и Морич).

Требовалось в клоунаде «Шапки» изобразить зрителя, сидящего с кепкой в руках. Клоуны брали кепку и в пылу спора, как бы невзначай, вырывая ее друг у друга, отрывали козырек. Зритель-подсадка, сидящий в первом ряду, к великой радости публики, переживал, нервничал. Правда, в конце клоунады выяснялось, что кепка цела, а разрывали другую. Ловкой подмены кепок никто в публике не замечал.

Помню, с каким трепетом готовился я к первой в моей жизни подсадке.

Сидел дома и долго думал, как же сделать, чтобы все выглядело естественным. Решил взять с собой книгу (буду как бы студентом, пришедшим в цирк), которая «случайно», когда у меня будут отбирать кепку, упадет на пол...

Во время клоунады волновался, но сделал все правильно, и зрители смеялись. В антракте за кулисами ко мне подошла жена Мозеля и сказала:

– А вы молодец! Все сделали точно. Настолько, что я на секунду даже испугалась – у того ли человека взял муж кепку (она не знала меня в лицо). У вас такой глупый вид, вы так хорошо испугались, молодец!

Демашу и Мозелю тоже понравилось, как я все делал, и они обратились к руководству студии, чтобы по субботам и воскресеньям (самые ответственные дни в цирке) в подсадке занимали меня.

Некоторые мои товарищи шли в подсадку неохотно. Так, в клоунаде «Медиум» сидящего в подсадке бьют по голове палкой и выгоняют из зала. Поэтому кое-кто из моих друзей, считая это унижительным для себя, уваливал от подсадки. А я шел, считая, что любое участие в представлении пойдет мне на пользу.

Работу в подсадке мы вместе с педагогами разбирали на уроках актерского мастерства. Все действия анализировались по кускам, много говорилось о внутреннем состоянии актера.

С «внутренним состоянием» у Бориса Романова вышел казус.

Он должен был в определенный момент клоунады «Печень» в исполнении клоунов Любимова и Гурского встать со стула (это кульминационный момент клоунады) и таким образом дать сигнал артистам, что пора кончать антре. Но Романов почему-то не встал и этим смазал финал клоунады.

Вне себя от ярости, кричал за кулисами Гурский, размахивая своими исписанными руками (Гурский писал на пальцах и на ладонях текст клоунады, который всегда плохо знал):

— Где этот подлец, который нас опозорил на публике?!

Побледневший Романов вежливо и тихо объяснял:

— Понимаете, по внутреннему состоянию не возникло у меня посылы, чтобы я встал. По Станиславскому, если бы я встал, выглядело бы неоправданно...

Если бы Борис честно признался, что забыл встать, то, наверное, ему бы все сошло, но «внутреннее состояние» сначала лишило Гурского дара речи, а потом он заорал хорошо поставленным голосом:

— Да плевать я хотел на твой посыл! Тоже мне, гений! Видите ли, у него нет посылы!!! Вот я тебя пошлю сейчас... (Кстати, и послал...)

С тех пор Борис Романов в подсадках у Любимова и Гурского не участвовал.

А некоторые умники...

— А некоторые умники говорят, что легко работать клоунаду! — эту фразу сказал Мозель, пожилой, опытный мастер, артист, представления с участием которого я старался не пропускать. Медленно передвигая ноги в огромных клоунских